Раздел I
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т. А. Арсенова
Екатеринбург

«…УДЕРЖИВАТЬ СЕЙ ПРИЗРАЧНЫЙ РУБЕЖ»: О ПОГРАНИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ БОРИСА РЫЖЕГО[1]

Дай руку мне –
мне скоро двадцать три –
и верь словам, я дольше продержался
меж двух огней – заката и зари.
Хотел уйти, но выпил и остался
удерживать сей призрачный рубеж…

Б. Рыжий

Лирика уральского поэта Бориса Рыжего (1974–2001) на фоне современной ему поэзии 90-х гг. и рубежа веков, тяготеющей к «распаду целостного поэтического сознания»[2] и вытеснению категории *лирического героя* [см., напр.: Козлов; Прощин], напротив, отличается выраженной – вполне традиционной, классической – геройностью: в центре поэтического мира находится фигура лирического героя, обладающего отчетливым голосом и хорошо узнаваемыми чертами.

По замечанию критика В. Козлова, «Борис Рыжий – … крупная фигура “гамлетической” ветви современной поэзии»[3]. В его творчестве «эпицентр свойственного всякой поэзии драматизма» находится именно в его лирическом герое, а не в иных «смежных началах» [Козлов 2006: 59, 60].

В различных работах, затрагивающих проблему образа лирического героя Бориса Рыжего, неоднократно отмечается его амбивалентность.

> Первое, что бросается в глаза, – пишет А. С. Собенников, – раздвоение личности лирического героя. Граница – культура. В первом случае он укоренен в культуре, во втором – принципиально антикультурен [Собенников 2008: 91].

Как видим, на первый план в образе лирического героя Рыжего выходит семантика *границы*, *пограничности* – в данном случае рассматриваемая с социокультурной точки

[1] Исследование выполнено в русле комплексного интеграционного проекта УрО – СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

[2] По наблюдениям В. Козлова, подобный – характерный для современной поэзии – распад «может восприниматься как явление продуктивное – предельная концентрированность лирического героя уступает место всевидящему автору» [Козлов 2006: 65–66]. Разделяя поэзию рубежа веков на своего рода «геройную» и «авторскую», критик поясняет: «Герой имеет дело с действительностью, замыкает ее на себя. Автор же размыкает себя в пространство культуры. Для героя слово – средство, для автора – цель» [Там же, с. 66].

[3] Для обоснования и подкрепления такого определения Козлов ссылается на Л. В. Пумпянского, писавшего в 1922 г. «о линии развития литературы, идущей … от Шекспира, то есть с тех пор, когда начала свой отсчет так называемая “гамлетическая культура”. “Начавшись с сомнения Гамлета, внутри поэзии образовалась сила, самоорганизовавшаяся и готовая выступить из пределов вымысла”. Герой и был такой силой, привнесшей в поэзию неслыханный драматизм и хаос авторитарного слова» [Козлов 2006: 53–54].

зрения, в результате чего становится возможным выделить такие ипостаси героя, как «хулиган» и «образованный начитанный юноша-поэт».

В другом ракурсе – ракурсе принадлежности поэта к определенному поколению и времени – видят так называемую «раздвоенность» героя Рыжего Н. В. Барковская и И. Н. Онуфриева. Барковская пишет:

> …жизнь в ситуации «на сломе» определила структуру лирического Я: внутреннюю амбивалентность, оксюморонную раздвоенность [Барковская 2003: 91],

что, в свою очередь, роднит Рыжего с поколением поэтов-эмигрантов (в частности, Б. Поплавским). Онуфриева ключевым моментом в «пограничности» образа лирического героя Рыжего считает существование на границе двух исторических времен, в эпоху глобальных перемен в жизни страны – развала Советского Союза. В данной ситуации черты рубежности приобретает, прежде всего, интересующий исследовательницу ключевой пространственный образ его лирики – образ родного Рыжему города Свердловска (советское название Екатеринбурга).

> …Свердловск для Рыжего, – пишет она, – не только образ эпохи, но и некое внутреннее экзистенциальное «рубежное» пространство. Существование на границе объясняет и раздвоенность героя поэзии Рыжего. Поэт чувствует себя живущим не просто на границе двух столетий, но на грани культуры и бескультурья, веры и безверия, жизни и смерти [Онуфриева 2008: 194–195].

Свершающийся на глазах лирического героя «раскол» времени и напряженность собственного пограничного состояния, таким образом, отражается и на складывающихся в его сознании представлениях о времени вообще. В структуре поэтического мира Рыжего можно выделить два временных пласта – постоянно вспоминаемое *прошлое*, приходящееся на время детства и юности поэта, и некое *настоящее*, характеризующееся нестабильностью и размытостью характеристик («новое кино», «иная пьянка»), – не столь насыщенное, в отличие от прошлого, какими-либо предметными показателями эпохи. Отнесенность лирического субъекта к такому настоящему делает его экзистенциально бездомным, словно зависшим в безвременье между утраченным советским прошлым – своего рода «почвой»[4], «домом», и поставленным под сомнение будущим, разве что сжавшимся в его сознании в образ приближающейся и неминуемой смерти («Плевать, если знаешь, что было / со мной, что будет со мной» [Рыжий 2012: 489][5]).

Подобная пограничность состояния лирического героя выражается, с одной стороны, в его настойчивых попытках возвращения усилиями памяти в прошлое, в свое *время-дом*, в попытках поэтического воссоздания хронотопа детства (окраинного двора промышленного Свердловска); с другой – в сомнениях, разочарованиях в возможности его возвращения и обратимости времени вообще [см. об этом подробнее: Арсенова 2013]:

> Досадно, но, сколько ни лгу,
> пространство, где мы с тобой жили,
> учились любить и любили,

[4] Так, Онуфриева пишет: «“Почва” для Рыжего – понятие, имеющее временной, исторический характер. Это нерасторжимая связь с человеческой общностью, сформировавшей поэта, пусть даже на поверку она оказалась иллюзорной. “Корни” героя уходят в воспоминания о его детстве и ранней юности, реализованные в “свердловском тексте”» [Онуфриева 2008: 192].

[5] Далее стихотворения Б. Рыжего, помимо оговариваемого случая, цит. по данному изданию с указанием страниц в скобках.

никак сочинить не могу:
детали, фрагменты, куски,
сирень у чужого подъезда,
ржавеющее неуместно
железо у синей реки… [410].

Я не настолько верю в слово,
Чтобы как в юности, тогда,
Сказать, что все начнется снова.
Ведь не начнется никогда [465].

Однако мы хотели бы рассмотреть раздвоенность лирического героя Рыжего еще с одной точки зрения. Пограничность его состояния в ряде случаев может быть обусловлена сознанием собственной не просто социокультурной роли Поэта, ставящей его в оппозицию с одной стороны – читателю, с другой – Высшей инстанции, а одновременной причастности к различным пространствам – пространствам быта и бытия.

Процесс самоидентификации себя как поэта, обостренная авторефлексия по поводу литературного признания, обретения индивидуального поэтического голоса, собственного места в современной поэзии, а также рефлексия более высокого порядка – о поэтическом опыте как опыте экзистенциальном, – все это становится отдельными сквозными сюжетами многих стихотворений Б. Рыжего.

«Приемный, но любящий сын / поэзии русской» – так именует себя в одном из стихотворений его лирический герой, выражая тем самым (опосредованно) постоянные сомнения и в собственном поэтическом призвании[6], и в органичности своего положения «внутри» «поэзии русской», точнее – признание односторонности своей связи с ней. В отличие от таких масштабных и знаковых лично для Рыжего фигур отечественной поэзии, как И. Бродский, Е. Рейн, С. Гандлевский, А. Кушнер, Борис Рыжий, несмотря на прекрасное знание истории русской литературы и поэзии, далеко не ограниченное школьной или какой-либо иной программой, остается неофитом от поэзии. Невозможно сказать, как сложилось бы его «существование-внутри-поэзии» дальше (творческий путь Рыжего ограничен сравнительно небольшим отрезком времени с начала 1990-х по 2001 г.) – жизнь и творчество его обрываются еще на том этапе, когда в системе координат его поэтического мира оппозиции «жизнь – литература», «литература – поэзия» остаются довольно напряженными, а стороны их вряд ли находят примирение. Пограничные состояния лирического героя возникают именно «на стыке» пространств, означиваемых данными – основополагающими – концептами: жизнь, литература, поэзия.

Оппозиция *«жизнь – литература»* и характерная для нее пограничность лирического героя связаны в основном с самоощущением становящегося поэта – человека пишущего, «живущего», в отличие от окружающих и им на удивление, Словом, ищущего свое поэтическое лицо и постоянно уличающего себя во лжи, фальши и отсутствии чего-то подлинного и «живого» в своем творчестве (в общем, в т. н. литературности):

> Ты танцевала, нет – ты танцевала, ты танцевала, я точно помню – водки было мало, а неба много. Ну да, ей богу, это было лето. И до рассвета свет фонаря был голубого цвета. Ты все забыла. Но это было. А еще ты пела. Листва шумела. Числа какого? Разве в этом дело… Не в этом дело! …

[6] Самокритичность в отношении своих способностей и талантов, по воспоминаниям знакомых и родных, была у Рыжего на протяжении всего его творчества; об этом же упоминает и Ю. Казарин в кн. «Поэт Борис Рыжий» (Екатеринбург, 2009).

… А дело вот в чем: я вру безбожно, и скулы сводит, что в ложь, и только, влюбиться можно.

А жизнь проходит [264].

<…> В мокром парке башками седыми,
улыбаясь, качает братва.
Удивляются: сколь тебе лет?
Ты, братишка, в натуре поэт.
Это все приключилось с тобою,
и цены твоей повести нет.
Улыбаюсь, уделав стакан
за удачу, и прячу в карман,
пожимаю рабочие руки,
уплываю, качаясь, в туман.
Расставляю все точки над «ё»:
мне в огне полыхать за вранье,
но в раю уготовано место
вам – за веру в призванье мое [431].

Что в данных контекстах «ложь» и «вранье»? По всей видимости, выдуманная, сочиненная, а потому ненастоящая, не-живая, в отличие от вспоминаемой, жизнь и собственная роль в этой жизни. Литературная, ненастоящая жизнь.

Насколько значима эта так называемая «литературная жизнь» как некий этап ученичества – этим вопросом задается лирический герой в стихотворении «Мальчишкой в серой кепочке остаться…»:

Мальчишкой в серой кепочке остаться,
самим собой, короче говоря.
Меж правдою и вымыслом слоняться
по облетевшим листьям сентября.

Скамейку выбирая, по аллеям
шататься, ту, которой навсегда
мы прошлое и будущее склеим.
Уйдем, вернемся именно сюда.

Как я любил унылые картины,
посмертные осенние штрихи,
где в синих лужах ягоды рябины,
и с середины пишутся стихи.

Поскольку их начало отзвучало,
на память не оставив ничего.
Как дождик по карнизу отстучало,
а может, просто не было его.

Но мальчик был, хотя бы для порядку,
что проводил ладонью по лицу,
молчал, стихи записывал в тетрадку,
в которых строчки двигались к концу [516].

Начала стихов, «как дождик по карнизу отстучавшего», возможно, потому и не было, что лирический герой под ними подразумевает ученический период своего

стихотворства, когда «вымысел» одерживал верх над «правдой жизни», а поиски подлинной искренности порою уходили не дальше повторяющей предшественников «любви к унылым картинам» и «посмертным осенним штрихам». Литературности, вымученности своих ранних поэтических опытов в данном стихотворении противопоставляется единственно ценное и не отменимое для лирического героя – это его прошлая жизнь и он сам внутри этой жизни, *настоящий* в упорном поиске своего слова.

Другая, более глубинная, оппозиция – оппозиция «*литература – поэзия*» в лирике Рыжего реализуется в пограничном состоянии его лирического героя между: 1) бытовым пространством литературной жизни (внутрижизненным социальным пространством) и 2) сферой постижения бытийных смыслов (наджизненным пространством), связанной с обретением Знания и «поэзией как опытом “предельных вещей”» (Н. Л. Быстров)[7]. Способность к выходу в наджизненное пространство делает поэта Пророком, носителем некоего сверхзнания и медиатором между мирами, что само по себе уже является не социокультурной ролью, а миссией поэта.

Если под литературой как чисто формальной стороной творческого процесса понимать т. н. «литературную жизнь» в самом бытовом ее воплощении (лит.объединения, поэтические конкурсы, вечера поэзии и т. д.), то для лирического героя она получает однозначно отрицательные коннотации (см.: «За проявленье вашей воли…» [Рыжий 2002], «Путешествие» («Изрядная река вплыла в окно вагона…») [380], «Памяти поэта» («В помещении – слева и справа…») [253] и др.):

МАТЕРЩИННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
«Борис Борисыч, просим вас читать
стихи у нас». Как бойко, твою мать.
«Клуб эстети». Повесишь трубку: дура,
иди ищи другого дурака.
И комом в горле дикая тоска:
хуе-мое, угу, литература <…> [339].

Подобная «литература» не имеет ничего общего со сферой постижения неких бытийных смыслов, подчас даже заслоняя и подменяя собою их.

В другом случае литература становится для лирического героя неким параллельным пространством, где возможен диалог с предшественниками, временная разотнесенность с которыми теряет всякое значение (см.: «Фет» («…читаю “Фантазию” Фета…») [117], «Над головой облака Петербурга…» [250], «До пупа сорвав обноски…» [448], «Осыпаются алые клены…» [502]):

Хочется позвонить
кому-нибудь, есть же где-то
кто-нибудь, может быть,
кто не осудит это

[7] «Предельные вещи, – поясняет в своей работе Н. Л. Быстров, – это вещи, возведенные к ценностному пределу нашего существования»; предельные ценности он определяет так: «Это такие структуры понимания мира и жизни, которые запечатлевают в себе максимум полноты, максимум внутренней осуществленности бытия. В принципе, эти ценности предполагают и фиксируют одно и то же состояние, а именно – состояние безусловности». Предельные начала «осваиваются “вхождением” в них; в них внутренне живут и к ним возводят реальность, точнее, сквозь них реальность видят, а тем самым приобретают опыт предельных вещей, – повторю: вещей разных, в том числе и самых обычных, но увиденных в свете имманентного им смыслового “предела”» [Быстров 2011]. Об имманентном модусе опыта предельных вещей в поэзии Б. Рыжего также см. данную работу.

«просто поговорить».
<…>

Впрочем, есть номерок,
не дозвонюсь, но все же
только один звонок:
«Я умираю тоже,
здравствуй, товарищ Блок…» [120].

Литература, таким образом, обеспечивает «встречу» с гением, дает ощущение сопричастности глобальному, всеобщему экзистенциальному опыту. Несмотря на то, что диалоги с классиками у Рыжего могут быть изначально литературно игровыми, в отдельных случаях они оказываются принципиально важными для осмысления лирическим героем своего творческого опыта.

Так, наиболее показательным в плане «перехода» героя Рыжего из сферы литературы в сферу поэзии можно назвать стихотворение «Прощание с юностью», пусть даже и произнесенное «с чужого голоса» (голоса И. Бродского с аллюзиями на О. Мандельштама [см.: Кушнер 2010: 87]):

Как в юности, как в детстве я болел,
как я любил, любви не понимая,
как сложно сочинял, как горько пел,
глагольных рифм почти не принимая,
как выбирал я ритм, как сорил
метафорами, в неком стиле нервном
всю ночь писал, а поутру без сил
шел в школу,
где был двоечником первым.
И все казалось, будто чем сложней,
тем ближе к жизни, к смерти,
к человекам –
так продолжалось много-много дней,
но, юность, ты растаяла со снегом,
и оказалось, мир до боли прост,
но что-то навсегда во мне сломалось,
осталось что-то, пусть пустырь, погост,
но что-то навсегда во мне осталось.
Так, принимая многое умом,
я многое душой не принимаю,
так, вымотавшийся в бою пустом,
теперь я сух и сухо созерцаю
разрозненные части бытия –
но по частям, признаюсь грешным делом,
наверное, уже имею я
больное представление о целом.
И с представленьем этим навсегда
я должен жить, не мучась, не страдая,
и слушая как булькает вода
в бессонных батареях, засыпая,
склоняться к белоснежному листу
в безлюдное, в ночное время суток –
весь этот мрак, всю эту пустоту

вместив в себя, не потеряв рассудок [161].

«Жизнь» и «поэзия», будучи противопоставлены литературности, вымыслу, формальной и, в том числе, бытовой стороне поэтического творчества, оказываются в итоге теми пространствами, сферами подлинного существования лирического героя-поэта, которые прорываются друг в друга, перетекают друг в друга: простая, обыденная, зачастую весьма неприглядная человеческая жизнь входит в творчестве Рыжего в сферу поэзии и этим оправдывается. Границы прекрасного расширяются: «Безобразное – это прекрасное, / что не может вместиться в душе» [281] – поэзия же вмещает в себя и это. Поэзия в свою очередь проникает в жизнь (в форме открывающегося и приходящего через Поэта Знания, улавливаемой им музыки) – и граница между ними, жизнью и поэзией, подчас условна. «Удерживать сей призрачный рубеж» (см. стихотворение «Кусок элегии» [310], строка из которого вынесена в заголовок) – это и является основным пограничным состоянием, а вернее даже «посреднической» миссией лирического героя Б. Рыжего, как всякого художника то сомневающегося, то верящего, что за чертой земной жизни последует вневременное существование в слове или музыке: «Бах умер, но мелодия осталась» [Там же].

ЛИТЕРАТУРА

Арсенова Т. А. Метаморфозы времени в лирическом сознании Бориса Рыжего // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1. Ч. 2. С. 15–18.

Барковская Н. В. «…Любящий сын поэзии русской» // Филологический класс. 2003. № 10. С. 90–93.

Быстров Н. Л. Поэзия как опыт предельных вещей // Тамыр. 2011. № 3 (28). URL: http://vk.com/doc646986_216017665?hash=9675d48f9f5dc6c5b6&dl=54ecb55e98c9072d3d (дата обращения: 25.11.13).

Козлов В. Поверх героя // Вопросы литературы. 2006. Сент.–окт. С. 52–66.

Кушнер А. Стихи, переписка, разговоры с Борисом Рыжим // Russian Literature. LXVII. 2010. № 1. С. 85–96.

Онуфриева Н. И. «Сказочный Свердловск» Бориса Рыжего // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 188–195.

Прощин Е. Е. Специфика субъектной персонификации в русской концептуалистской и постконцептуалистской поэзии (1960–1990-е годы) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1. Ч. 2. С. 241–245.

Рыжий Б. Б. В кварталах дальних и печальных : Избранная лирика. Роттердамский дневник. М. : Искусство–XXI век, 2012.

Рыжий Б. «Вот и все, я побуду один…» : стихи // Знамя. 2002. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2002/1/ryzh.html (дата обращения: 25.11.13).

Собенников А. С. Поэзия Бориса Рыжего: образ лирического героя // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 3 : мат-лы III Всеросс. науч. конф. «Литература Урала : автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)», Екатеринбург, 11–13 окт. 2007 г. : в 2 т. Екатеринбург : УрО РАН ; ИД «Союз писателей», 2008. Т. 1. С. 91–99.